

Графиня
Рудольштадт

Жорж Санд

**ГРАФИНЯ
РУДОЛЬШТАДТ**

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
С18

Перевод с французского Деборы Лившиц

Санд, Ж.

С18 Графиня Рудольштадт / Ж. Санд; [пер. с фр. Д. Лившиц]. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. — 676 с.

ISBN 978-5-519-66230-7 (т. 3)
ISBN 978-5-446-73330-9

«Графиня Рудольштадт» — роман французской писательницы Жорж Санд, который является продолжением всемирно известного романа «Консуэло». Молодая вдова Консуэло после смерти графа Альберта продолжает блистать на оперной сцене, но вскоре она понимает, что столь желанная карьера оперной дивы уже не приносит ей ожидаемого удовлетворения. И девушка оказывается посреди дворцовых заговоров и революционных настроений в Богемии вдали от Прусского королевского двора.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
VIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66230-7 (т. 3) © T8RUGRAM, 2018
ISBN 978-5-446-73330-9 © ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2018

I

Зал Итальянской оперы в Берлине,¹ построенный в первые годы царствования Фридриха Великого,² был в то время одним из самых красивых в Европе. Вход был бесплатный, ибо за все спектакли платил сам король. Для доступа в театр требовался, однако, билет, так как все ложи предназначались определенным лицам: одни — принцам и принцессам королевской фамилии, другие — членам дипломатического корпуса, знаменитым путешественникам, ученым из Академии, генералам. Итак, повсюду — члены семьи короля, лица, состоящие на жалованье у короля, фавориты короля. Впрочем, роптать не приходилось — ведь то был театр короля и артисты короля. Для добрых обитателей доброго города Берлина оставался лишь маленький кусочек партера, ибо большая часть его была занята военными — каждый полк имел право присылать по несколько человек из каждой роты. И вот вместо веселой, легко воспламеняющейся и восприимчивой публики Парижа артисты видели перед собой «героев шести футов ростом», как называл их Вольтер, в высоченных шапках, причем большинство из них сажало себе на плечи своих жен. Все это вместе составляло неотесанную, пропахшую табаком и водкой толпу, которая ни слова не понимала, таращила глаза и, не осмеливаясь ни аплодировать, ни свистеть из страха перед инструкцией, все-таки производила много шума, так как ни минуты не оставалась в покое.

---

¹ Итальянская опера в Берлине — ансамбль итальянских певцов, выступавших с 1742 года в новом королевском оперном театре под руководством придворного капельмейстера Карла-Генриха Грана.

² Фридрих Великий — Фридрих II (1712–1786), прусский король с 1740 г.

Позади этих господ находились два ряда лож, откуда зрители ничего не видели и не слышали, но где они неизменно присутствовали, ибо приличия ради вынуждены были регулярно посещать спектакли, которые столь щедро преподносил им его величество король. Сам же король не пропускал ни одного спектакля. То был отличный способ всегда держать на виду многочисленных членов своей семьи и беспокойный муравейник придворных. Фридрих следовал примеру отца, Вильгельма Толстого,³ который делал то же, но в плохо сколоченном зале, где, слушая плохих немецких комедиантов, королевское семейство и его двор умирали со скуки в зимние вечера и терпеливо мокли под дождем, пока сам король спал. Фридрих долго страдал от этой домашней тирании, он проклинал ее, он вынужден был ее выносить, но, едва успев стать властелином, восстановил этот обычай, как и многие другие, более деспотические и более жестокие, всю прелесть которых он оценил теперь, когда сделался единственным человеком в королевстве, переставшим от них страдать.

Однако сетовать никто не смел. Здание оперного театра было великолепно, отделка роскошна, артисты пели превосходно, и король, почти всегда стоявший у рампы, подле оркестра, с навешенным на сцену лорнетом, являл собой образец неутомимого меломана.

Всем известно, что Вольтер, вскоре после того, как он водворился в Берлине,⁴ восхвалял великолепие двора «Северного Соломона».⁵ Раздраженный пренебрежением Людовика XV, невниманием своей

---

³ Вильгельм Толстый — Фридрих Вильгельм I (1688–1740), вступивший на прусский престол в 1713 г.

⁴ «...вскоре после того, как он водворился в Берлине...» — Вольтер прибыл в Берлин в 1750 г. по приглашению Фридриха II. В 1753 г., порвав с королем, уехал в Швейцарию.

⁵ «Северный Соломон» — так называл Вольтер Фридриха II в письме к своей племяннице Луизе Дени 18 декабря 1752 г.

покровительницы — госпожи Помпадур,⁶ преследуемый иезуитами, освистанный во Французском театре, он уехал в минуту досады за почестями, за большим жалованьем, за титулом камергера, за орденом Почетного легиона и за дружбой короля-философа, еще более лестной в его глазах, чем все остальное. Словно большой ребенок, великий Вольтер дулся на Францию, воображая, будто неблагодарные соотечественники «лопнут с досады». И, как видно, он слегка охмелел от своей новой славы, когда писал друзьям, что Берлин не хуже Версаля, что опера «Фаэтон»⁷ — превосходнейшее зрелище, а у примадонны прекраснейший голос во всей Европе.

Однако в тот период, когда мы вновь начинаем наш рассказ (чтобы не утомлять память наших читательниц, скажем сразу, что со времени последних приключений Консуэло прошел почти год), зима оказалась в Берлине весьма суровой, великий король слегка приоткрыл свою истинную сущность, и Вольтер успел порядком разочароваться в Пруссии. Он сидел в своей ложе между д'Аржансом⁸ и Ламетри,⁹ уже не притворяясь, будто любит музыку, которую никогда не чувствовал так сильно, как истинную поэзию. У него болел живот, и он с грустью вспоминал неблагодарную, но пылкую публику парижских театров, чье неодобрение причиняло ему столько горя, чьи аплодисменты доставляли столько радости, —

---

⁶ Помпадур (Жанна-Антуанетта Пуассон, 1721–1764) — маркиза, фаворитка Людовика XV, имевшая неограниченное влияние на короля и фактически правившая страной.

⁷ «Фаэтон» — опера К.-Г. Грауна, впервые поставленная в Берлине в 1750 г.

⁸ Д'Аржанс Жан-Батист де Бойе, маркиз (1704–1771) — французский литератор и философ, друг Фридриха II. Состоял директором отделения философии берлинской Академии наук.

⁹ Ламетри Жюльен Офре (1709–1751) — французский философ-материалист, врач. Преследования церковников и иезуитов вынудили его переселиться в Голландию, а оттуда в Германию. Был тещем Фридриха II.

публику, соприкосновение с которой так сильно волновало его, что он поклялся никогда больше ее не видеть, хотя не мог помешать себе беспрестанно о ней думать и трудиться для нее не покладая рук.

А между тем сегодняшний спектакль был превосходен. Стояли дни карнавала, и все члены королевской семьи, даже маркграфы, нашедшие себе жен в глубине страны, собрались в Берлине. Давали «Тита»¹⁰ Метастазии¹¹ и Гассе,¹² и обе главные роли исполняли двое лучших артистов итальянской труппы — Порпорино¹³ и Порпорина.

Если наши читательницы сообразоволят слегка напрячь память, они припомнят, что эти два действующих лица не являлись мужем и женой, как это можно было бы предположить по их псевдонимам. Нет, первый был синьор Уберти, обладатель изумительного контральто, а вторая Zingarella¹⁴ Консуэло, замечательная певица, причем оба являлись учениками профессора Порпоры,¹⁵ который,

---

¹⁰ «Давали „Тита“...» — Имеется в виду опера «Милосердие Тита» (1737).

¹¹ Метастазии Пьетро (наст. фамилия — Трапасси, 1698–1782) — выдающийся итальянский поэт и драматург. Произведения Метастазии пользовались у современников необычайным успехом, на его тексты писали оперы многие композиторы, в том числе Гендель, Глюк, Гайдн и Моцарт.

¹² Гассе Иоганн Адольф (1699–1783) — один из крупнейших оперных композиторов XVIII в. Родился в Гамбурге, молодость провел в Италии, в течение многих лет состоял капельмейстером оперного театра в Дрездене.

¹³ Порпорино — прозвище певца-кастрата Антонио Уберти (1696–1783), ученика Порпоры. Выступал в Берлине в итальянской опере, был придворным певцом Фридриха II.

¹⁴ Цыганочка (итал.).

¹⁵ Порпора Никколо (1686–1766) — итальянский композитор и вокальный педагог. Его жизнь в Венеции и Вене отображена в «Консуэло».

по итальянскому обычаю того времени, позволил им носить славное имя их учителя.

Надо сознаться, что синьора Порпорина пела в Пруссии далеко не с тем подъемом, на какой она чувствовала себя способной в прежние, лучшие времена. В то время как чистое контральто ее партнера звонко раздавалось во всех уголках берлинской Оперы, оберегаемое всеми благами обеспеченной жизни, привычкой к неизменным успехам и постоянным жалованьем в пятнадцать тысяч ливров за два месяца работы, бедная цыганочка, быть может более пылкая и, уж конечно, более бескорыстная и менее приспособленная к ледяному холоду севера и прусских капралов, не чувствовала сейчас особого воодушевления и пела в той добросовестной, безупречной манере, которая не дает повода для порицания, но и не вызывает энтузиазма. Энтузиазм артистки и энтузиазм публики не могут не быть взаимны. Так вот, в дни славного царствования Фридриха Великого энтузиазма в Берлине не было. Пунктуальность, повиновение и то, что в восемнадцатом столетии, и особенно при дворе Фридриха, называли разумом, — таковы были единственные добродетели, какие могли расцветать в этой атмосфере, температуру которой устанавливал король. Никто из собравшихся в этом зале не имел права вздохнуть или пошевелиться, если на то не было его высочайшего соизволения. Среди всего этого множества зрителей только один из них мог свободно отдаваться своим впечатлениям, и то был король. Публику олицетворял он один, и хоть он был хорошим музыкантом, хоть он любил музыку, все его способности, все склонности были подчинены такой холодной логике, что королевский лорнет, словно прикованный ко всем жестам и ко всем переживаниям голоса певицы, не только не воодушевлял, а, напротив, совершенно парализовал ее.

Впрочем, для нее было даже лучше, что она повиновалась этому тягостному гипнозу. Малейшее проявление горячности,

малейший порыв неожиданного вдохновения, по всей вероятности, шокировали бы и короля и придворных, тогда как трудные и сложные рулады, исполняемые с четкостью безупречного механизма, приводили в восторг короля, придворных и Вольтера. Как известно, Вольтер говорил: «Итальянская музыка намного лучше французской, потому что она более сложна, а преодоленная трудность что-нибудь да значит». Так понимал искусство Вольтер. Подобно некоему острослову — он еще жив, — у которого спросили, любит ли он музыку, Вольтер мог бы ответить: «Она не слишком мне мешает».

Все шло прекрасно, и опера беспрепятственно двигалась к развязке. Король был весьма доволен и время от времени кивал капельмейстеру, выражая ему одобрение; он уже собирался начать аплодировать певице, заканчивавшей свою каватину, как милостиво делал это обычно, всегда воздавая ей должное, но тут, по какой-то необъяснимой прихоти случая, Порпорина, среди блестящей рулады, которая неизменно ей удавалась, внезапно умолкла, устремив странный взгляд в угол зала, стиснула руки и с криком «О, Боже!» упала без чувств на подмости. Порпорино поспешил ее поднять, пришлось унести ее за кулисы, а в зале раздался шум — вопросы, предположения, догадки. В разгаре этой суматохи король громко окликнул тенора, который еще оставался на сцене.

— Что все это значит, Кончолини?¹⁶ Что с ней такое? — спросил он властным и резким голосом, перекрывавшим шум толпы. — Идите взгляните на нее, да поживее!

Через несколько секунд Кончолини вернулся и, почтительно перегнувшись через рампу, на которую облокотился король, сообщил:

---

¹⁶ Кончолини (правильно — Кончаллини) — Джованни Карло (1745–1812) — певец-кастрат. Пел в оперных театрах Мюнхена и Берлина.